

УДК 81`42

ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА*Н. В. Мельник*DERIVATOLOGICAL AND LINGVOPERSONOLOGICAL INTERPRETATION
OF SECONDARY TEXTS*N. V. Melnik*

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки России № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

В статье представлены методики описания вторичного текста, направленные на выявление детерминант, определяющих реализацию деривационного потенциала текста первичного. В результате проведенного исследования установлено, что деривационное функционирование текста обусловливается факторами, имеющими лингвоцентрический (системный и текстовый) и лингвоперсоналогический характер.

The article presents the methods of the secondary text description, aimed at finding the determinants that identify the implementation of diversion potential of the primary text. The investigation shows that derivational operation of the text is caused by the factors of the lingvocentric (system and text) and lingvopersonological character.

Ключевые слова: деривация текста, текстодериватология, лингвоперсоналогия, вторичный текст, языковая личность.

Keywords: text derivation, text derivatology, lingvopersonology, secondary text, linguistic personality.

Деривационная сущность языка отмечена еще в древних динамических грамматиках, в грамматиках Пор-Рояля. Идеи, появившиеся в универсальных грамматиках XVII – XVIII вв., нашли свое развитие в логических школах лингвистики XIX в. Философское обоснование деривационная сущность языка обрела в работах В. фон Гумбольдта, согласно учению которого «язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как созидательный процесс (Erzeugung)» [8, с. 68].

В первой половине XX века деривационная теория развивалась на базе словообразования, в современной лингвистике произошло расширение понятия «деривация», под которой имеется в виду «процесс образования слов, предложений, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов и тому подобное, наконец, текстов, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и кончая текстом» [11, с. 3].

Деривационная грамматика находится в русле системноцентризма, объясняющего языковые явления, исходя из внутриязыковых качеств, ведь помимо внешней детерминации, предполагающей изучение языковых особенностей человека и находящей объяснение языковым явлениям во внеязыковом мире, существует и внутренняя детерминация, так как явления экстралингвистические, преломленные сквозь призму языкового сознания носителей языка, представляют собой системно-структурное образование, внутри которого существуют свои закономерности, проявляющиеся и на эмиическом, и на этическом уровнях. «Непрерывный деривационно-мотивационный процесс есть стержневая линия динамики языка – синхронной и диахронной в их единстве (противоречивом); она пронизывает все уровни и планы языка, образуя широкие и глубокие функционально-динамические (энергетические?)

пространства: деривация единиц низких уровней органически входит в деривацию единиц более высоких уровней» [3, с. 66]. Единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, в который включаются единицы всех уровней, вовлекает в себя и текст, обладающий потенциалом своего деривационного развития, протекающего на всех уровнях и во всех планах.

Однако при всем этом личность также не выходит из поля исследовательского зрения. Наиболее четкое оформление этих идей содержится в творчестве В. фон Гумбольдта, высказанные им положения носят антиномический характер, что позволяет использовать их в качестве методологии как системноцентрических, так и антропоцентрических исследований: «Как раз, насколько язык объективно действителен и самостоятелен, настолько же он субъективно пассивен и зависим» [8, с. 83]. В языке действительно заложен огромный потенциал, но именно он и предоставляет возможность каждому человеку реализовать себя: «Поэтому в каждый момент и в любой период своего развития язык, подобно самой природе, представляется человеку – в отличие от всего уже познанного и продуманного им – неисчерпаемой сокровищницей, в которой дух всегда может открыть что-то еще неизвестное, а чувство – всегда по-новому воспринять что-то еще не прочувствованное» [8, с. 82].

С другой стороны, именно то обстоятельство, что существует множество разнообразных личностей, и позволило языку этот потенциал накопить: «В том, как язык видоизменяется в устах каждого индивида, проявляется, вопреки описанному выше богатству языка, власть человека над ним» [8, с. 84]; «чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего» [8, с. 47]. Вместе с тем «... каждая личность несет в себе всю

человеческую природу, только избравшую какой-то частный путь развития» [8, с. 64]. При этом нет предела варьированию: «Но хотя все устремлено к одинаковой цели, достичь ее можно лишь индивидуальными путями, и многообразие, с каким человеческая индивидуальность способна проявить себя, не впадая в ущербную однобокость, беспредельно» [8, с. 64]. А потому, по словам неогумбольдтианца Й. Вайсгербера, «... каждый человек располагает известной возможностью для маневра в процессе усвоения и применения его родного языка и что он вполне способен сохранять своеобразие своей личности в этом отношении» [2, с. 151]. Это не случайно, ведь в языке «смешиваются, очищаются, преобразуются способы представления всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия» [8, с. 318].

Вышесказанное вписывается в гипотезу лингвоперсоналогического функционирования языка Н. Д. Голева, согласно которой язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности: «Между устройством персоналогического пространства, образуемого данным языковым коллективом, и устройством языка существуют коррелятивные отношения двух типов: взаимодетерминация и изоморфизм» [8, с. 4], что подтверждает мысль Ю. Н. Караулова о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [9, с. 6]. Это направление исследования идейно связано с концепцией «субъективности в языке» Э. Бенвениста, связанной с запечатленностью «человека в языке» [1], созданном по мерке человека.

В частности, можно увидеть лингвоперсоналогическую природу общезыковых антиномий: общее – единичное, воспроизводство – производство связаны с особенностями лингвокреативной способности языковой личности (копиальностью – креативностью), с действием тенденций к персонализации и деперсонализации, ведь в личности «...диалектически взаимосвязаны социальное и индивидуальное, общее и особенное, народное и усвоенное, воспроизводимое и творимое заново, объективное и субъективное» [13, с. 10]. Все эти проявления мы видим и в языке.

Текст обладает потенциалом деривационно-мотивационного развития, при анализе **деривационно-мотивационного** развития акцентируется новое – вторичный текст, который в процессе текстовой деятельности производится, при анализе **деривационно-мотивационного** развития текста акцент ставится на старый, базовый, исходный текст, который целиком или покомпонентно воспроизводится. «Деривация и мотивация образуют в этой связи тесное функционально-семантическое единство – непрерывный деривационно-мотивационный процесс» [4, с. 3]. Таким образом, реализация деривационно-мотивационного потенциала текста восходит к общезыковой антиномии производства / воспроизводства. Любой вторичный текст содержит в себе элемент инновационности, хотя теоретически ее степень может быть и нулевой.

Выделяется два аспекта соотношения текстов: деривационный (с акцентом на различиях) и мотивационный (с акцентом на общем).

Для исследования реализации деривационного и персоналогического потенциалов текста мы обратились к вторичным текстам, функционирующим в учебном дискурсе. В качестве первичного текста использовался отрывок из романа Ф. М. Достоевского «Идиот», представляющий собой монолог князя Мышкина о смертной казни:

Подумайте: если, например, пытка; при этом страдания и раны, мука телесная, и, стало быть, все это от душевного страдания отвлекает, так что одними только ранами и мучаешься, вплоть пока не умрешь. А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что вот знаешь наверно, что вот через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас – душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно. Вот как голову кладешь под самый нож и слышишь, как он склизнет над головой, вот эти-то четверть секунды всего и страшнее. Знаете ли, что это не моя фантазия, а что так многие говорили? Я до того этому верю, что прямо вам скажу свое мнение. Убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем само преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье. Тот, кого убивают разбойники, режут ночью, в лесу, или как-нибудь, непременно еще надеется, что спасется, до самого последнего мгновения. Примеры бывали, что уж горло перерезано, а он еще надеется, или бежит, или просит. А тут, всю эту последнюю надежду, с которой умирать в десять раз легче, отнимают наверно; тут приговор, и в том, что наверно не избежишь, вся ужасная мука и сидит, и сильнее этой муки нет на свете. Приведите и поставьте солдата против самой пушки на сражении и стреляйте в него, он еще все будет надеяться, но прочтите этому самому солдату приговор наверно, и он с ума сойдет или заплачет. Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое надругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот такой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» (Ф. М. Достоевский).

Выбор в качестве исходного художественного текста обусловлен причинами разного характера:

во-первых, онтологическими – художественный текст обладает наибольшим потенциалом деривационного варьирования, так как характеризуется вниманием к внутренней форме слова и текста и обладает двойной референтной отнесенностью;

во-вторых, гносеологическими – именно художественный текст, имеющий значимую внутреннюю форму как способ выражения содержания, обладает наивысшим исследовательским потенциалом при

изучении деривационного функционирования в силу своей формально-семантической организации;

в-третьих, лингводидактическими – он чаще всего функционирует в учебном дискурсе, видимо, потому, что в художественном тексте «именно ситуация играет роль языка, выражающего некоторые общие идеи и представления автора о мире» [11, с. 19], поэтому художественный текст легче воспринимается в силу того, что проще понимается, запоминается отраженная в тексте ситуация внеязыковой действительности.

К тому же предварительная обработка полученных на материале научных и публицистических текстов, экспериментальных данных показала общность тенденций, действующих при реализации их деривационного потенциала.

Все вышесказанное определило целесообразность представления полученных результатов прежде всего на примере вторичных текстов, созданных на основе одного художественного произведения – романа Ф. М. Достоевского «Идиот», который еще и, ко всему прочему, является прецедентным текстом по многим причинам, к которым относится личность автора, особенности его идиостиля, принадлежность к определенной исторической эпохе и т. д.

В результате анализа материала было выявлено, что вторичные тексты построены по 2 принципам: деривационному: а) семасиологического типа (креативные и копиальные); б) ономасиологического типа (креативные и копиальные) и детерминационному: а) семасиологического типа (креативные и копиальные); б) ономасиологического типа (креативные и копиальные).

Деривационный принцип текстопостроения предполагает отношения включения (полного или частичного) первичного текста во вторичный при определенной степени инноваций формального, семантического и/или функционального плана. Этот принцип является основным при создании изложений, в результате его реализации появляются тексты в разной степени эквивалентные исходному.

Детерминационный принцип текстопостроения такого включения не предполагает, первичный текст во многом (а именно формально, семантически и/или функционально) предопределяет появление вторичного, который, однако, не тождествен и не эквивалентен исходному. Пределом деривационного варьирования является разрушение тождества на всех уровнях при сохранении, а в дальнейшем, возможно, и утрате отношений детерминации.

Создание вторичного текста изложения представляет собой акт семантической деривации, то есть речь идет прежде всего о создании/воссоздании макроозначаемого исходного текста, которое, свернувшись в процессе восприятия/понимания, будет развернуто в новое макроозначающее, составляющее единство с макроозначаемым и обусловленное макроозначающим исходного текста, в результате появляется текст, построенный по **семасиологической модели**.

Создание вторичного текста по **ономасиологической модели** происходит прежде всего по линии

создания/воссоздания означаемого в отрыве от первоначального единства с означающим, что приводит к инновациям и в плане содержания, и в плане выражения.

Создание же вторичного текста стилизации идет по другому пути, однако при этом действуют аналогичные модели. При стилизации речь идет о воссоздании не макроозначаемого, а макроозначающего текста, которое во вторичных текстах, построенных по семасиологической модели, подкрепляется единством с макроозначаемым, а в текстах, построенных по ономасиологической модели, никак не коррелируют с ним. При создании сочинения-рассуждения деривационный и детерминационный принципы взаимодействуют, последовательно доминируя на разных стадиях создания текста.

Копиальность (акцент на мотивационном потенциале текста) и **креативность** (акцент на деривационном потенциале текста) с их вниманием соответственно к данному (то есть исходному, первичному тексту) и новому (то есть вторичному тексту) также в своем аспекте раскрывают степень близости вторичного текста к исходному. В результате получается, что копиальность и креативность присутствуют и деривационным, и детерминационным текстам, построенным и по семасиологической, и по ономасиологической модели, но природа этой копиальности/креативности разная, хотя при поверхностном анализе может показаться, что семасиологическая модель коррелирует с копиальностью, а ономасиологическая – с креативностью.

Создание вторичного текста по семасиологической модели протекает по линии создания означаемого, но подкрепляется его единством с означающим, что в какой-то степени сдерживает развитие означаемого и приводит к меньшим семантическим инновациям в текстах, построенных по данной модели. В текстах, построенных по ономасиологической модели, реализуется большее число деривационных процессов.

Сочетаемый принцип приводит к выделению 8 типов текстов (деривационный, семасиологический, креативный; деривационный, семасиологический, копиальный и т. д.).

Однако, с одной стороны, мы имеем дело с разным деривационным потенциалом языковых единиц, предполагающим разные варианты его реализации, но с другой – выбор того или иного варианта обусловлен в том числе и человеческим фактором: предпочтением языковой личности, качеством ее языковой способности и т. д. Все это позволяет тексту реализовать свой потенциал деривационного развития, который опредмечивается в появлении множества вторичных текстов.

Любой текст содержит в себе потенции саморазвития, которые могут быть реализованы на всех уровнях, в том числе и на текстовом, в создании вторичного текста на базе первичного. Текст – результат речевой деятельности, позволяющий смоделировать процесс речепорождения, а из него – сконструировать разные способы, определяющиеся типом языковой личности. Подобно тому как язык ре-

презентирует себя через речь, человек выявляет себя через язык. Текст – языковой знак, сообщающий информацию о типе речевой деятельности, результат которой опредмечивается во вторичном тексте и позволяет реконструировать языковую личность через способ реализации потенциалов языко-речевой материи.

При таком подходе вторичный текст выступает как персонотекст. В нем находят отражение разные свойства языковой личности, например, Н. Н. Королева, анализируя пересказы, делает такой вывод: «Текст в плане его психологического рассмотрения представляет собой отражение субъективного мира автора, или, точнее, создания «возможного мира», в основе которого лежит его личный жизненный мир. Картина мира личности может быть реконструирована с помощью анализа различных параметров текста, характеризующих как его форму организации, так и содержание» [10, с. 97].

В результате анализа полученных экспериментальных данных намечены критерии типологизации персонотекстов [6]: содержательный – формальный; внутритекстовый – затекстовый; интуитивный (художественный) – рационально-логический; механический – осмысленный; «окультуренный» – природный; профессиональный (филологический) – наивный; субъективный – объективный. Необходимо отметить, что в тексте все названные параметры, взаимодействуя, а необходимость их независимого друг от друга рассмотрения связана с более детальным их представлением.

Раскроем суть данных оппозиций.

Содержательный – формальный типы

Форма и содержание могут выступать как персоноразличительные признаки. При этом под формой имеется в виду внутренняя форма текста как способ оформления содержания.

Во вторичных текстах именно содержание, содержательные категории могут становиться объектом рефлексии носителей языка. При этом под влиянием человеческого фактора реализация данной модели имеет свои варианты. Так, например, авторы вторичных текстов могут рефлексировать над темой текста, выделяя темы убийства, страдания, наказания, надежды и т. д., уровень осмысления проблемы может также варьироваться: бытовой, философский, художественный, научный. При этом не уделяется внимания способу оформления содержания и форма исходного текста не оказывает влияния на оформленные собственно, а вторичный текст строится по ономаσιологической модели.

Рефлексия по поводу формы текста касается прежде всего его стиля, элементов словотворчества, манеры повествования, особенностей использования отдельных слов (*наверно*). Она может быть выраженной (эксплицитной), когда, например, автор вторичного текста оценивает идиостиль Ф. М. Достоевского, и скрытой (имплицитной), когда автор вторичного текста подражает манере повествования писателя. При этом вторичный текст строится по семасиологической модели.

Внутритекстовый – затекстовый типы

Рефлексия носителей языка может быть направлена на текстовые категории или во внеязыковую реальность. В первом случае авторы вторичных текстов в своих размышлениях отталкиваются от первичного, не выходя за его пределы во внеязыковую действительность, акцентируют свое внимание на каких-то его компонентах. При этом в качестве аргументов авторов вторичного текста, подтверждающих их точку зрения, выступают цитаты из текста первичного. Во втором случае авторы вторичных текстов, отталкиваясь от исходного, выходят за пределы текста, в качестве своих аргументов приводят факты из окружающей их действительности, из внеязыковой реальности, например, обращаясь к биографии Ф. М. Достоевского, апеллируют к историческим фактам, социально-политической действительности и т. д.

Рационально-логический – интуитивный (художественный) типы

В полученных в результате эксперимента текстах мы видим отражение разных способов познания мира: рационально-логического и чувственного, интуитивного, художественного.

Примером реализации первого типа текста являются персонотексты, в которых эксплицирована установка на анализ первичного текста, например, путем выделения в нем разного рода оппозиций, противопоставлений. Данный тип текстового развертывания может быть воплощен с помощью маркеров: *во-первых, во-вторых; таким образом*, в выборе типа речи рассуждения, с характерной для него композицией. Помимо этого, во вторичных текстах может быть представлено художественное осмысление проблематики оригинала, в том числе в стихотворной форме посредством поэтических образов. Причиной различий в восприятии и осмыслении текста являются разные способы познания мира: образное, художественное и рационально-логическое, в основе которых лежит асимметрия полушарий головного мозга и доминирование одного из них.

Механистический (формальный) – осмысленный типы

Данная оппозиция реализуется в степени участия деривационного компонента языковой способности, ответственного за процедуры свертывания – развертывания речевого сообщения.

Иногда вторичные тексты представляют собой копии фрагментов первичного, по которым трудно судить, «пропущен ли текст через себя». Обилие цитат, по мнению авторов, служащих цели доказать то или иное положение, тоже не дает возможности увидеть, насколько глубоко осмыслена та или иная проблема. Так, иногда школьники пишут изложения, полагаясь на скорость руки, делающей пометы по ходу слушания текста-источника. К сожалению, такая установка поощряется методикой, так как чем выше степень близости к оригиналу, тем выше отметка за

письменную работу, в результате действия подобной тенденции появляются тексты, искажающие, в силу дефектной реализации деривационного компонента, содержание исходного текста. В других же текстах содержатся рефлексии авторов эксплицированы, и по нему мы судим о неформальном прочтении текста.

«Окультуренный» – природный типы

Во многих текстах, созданных испытуемыми, можно увидеть результат «окультуренности», «наученности» (например, в негативном проявлении – анализ произведения без его прочтения). «Наученность» проявляется в ярко выраженной установке на анализ текста, в жанровом своеобразии школьного сочинения-рассуждения с его типичной формулировкой темы, композицией, клише, штампами, способом введения примеров. В других же текстах представлена непосредственная реакция на первичный, свободная от каких-либо канонів.

Профессиональный – наивный типы

Данную оппозицию можно, на первый взгляд, рассматривать как частное проявление предыдущей, однако она не имеет с ней прямых корреляций. При анализе профессиональной составляющей можно выделить категорию интертекстуальности, кроме того, к ней относится лингвистическая терминология (стилистические приемы, лингвистические термины), подходы к анализу текста. Наивное осмысление реализуется в способе аргументации представленной в тексте позиции, например, в обращении к житейской мудрости.

Субъективный – объективный типы

Реализация субъективного типа связана с авторской модальностью: в текстах эксплицирована позиция их авторов, они ясно выражают свое отношение к поставленной проблеме, аргументируют свою точку зрения. Маркерами субъективности могут выступать употребление личных местоимений *я* и *мы* и соответствующих им притяжательных, выбор *я*-повествования и соответствующих личных форм глагола (*я думаю, я считаю, я имею в виду*), наличие вводных конструкций (*по-моему, сложно сказать* и т. д.). Тыповое повествование, или повествование от второго лица, также свидетельствует о субъективном типе персонажа текста. Реализацией авторского субъективного начала может выступать употребление эмоционально-восклицательных высказываний, кроме того, реализацией субъективного начала выступают побудительные и вопросительные высказывания. Сам по себе вопрос может исходить только от *я*, а потому является косвенным подтверждением субъективности.

Реализации объективного типа способствует выбор повествования от третьего лица. В данных текстах авторская позиция по поводу поставленной в исходном тексте проблемы не проявлена, тексты данного типа, по возможности, лишены авторской модальности. В качестве ведущего аргумента используется отсылка к авторитетам, вводные конструкции, указывающие на источник сообщения, исключают авторское мнение.

Копиальный – креативный

В качестве параметров соотношения исходного и производных текстов можно назвать степень приближенности к первичному тексту по формальной, содержательной и функциональной линиям, направления деривации – усложнение или упрощение по обозначенным параметрам, доминирование субъективного или объективного факторов при развитии текста. Оппозиция креативности/копиальности является результатом действия тенденции к персонализации (то есть проявленности свойств языковой личности в тексте) и деперсонализации (нивелированию личности).

Проблема копиальной языковой личности заключается в неразвитом деривационном механизме свертывания – разворачивания текста. При написании изложений она старается передать текст буквально, не пропуская его через себя, не выражая в нем своей авторской позиции и не оставляя никаких следов своеобразия собственной языковой личности, а сочинения-рассуждения пишет в соответствии со сложившимися канонами школьных сочинений и по компилятивному принципу:

Креативная личность действует иначе. Даже в таком жанре учебной деятельности, как диктант, предполагающем копирование исходного текста, встречаются следы ее проявления, например, в замене слов синонимами. Инновации встречаются и в текстах сочинений. Для креативной личности характерно введение новой информации, выраженность авторской позиции и отражение своей неповторимой индивидуальности в созданных ею текстах. Креативность проявляется в выборе жанра вторичного текста и особенно ярко видна в стихотворных текстах.

Спроецируем все вышесказанное на анализ вторичного текста:

Текст. *Смерть – часть жизни или ее продолжение, безумство, нелепость или приговор? Что я знаю? Что я могу знать о том, что непостижимо? Кто я? Что я? Сила, которая дала мне жизнь, убивает меня наравне с людьми. Завтра меня не станет... Да есть ли кому-то до этого дело? Что сильнее: скрежет лезвия по твоей шее, или ... по твоей душе? Надо выкинуть мысли сейчас, немедленно, но не думать нельзя. Потому что именно сейчас надо что-то понять, что-то осмыслить, что-то преодолеть, что-то пережить, ... что-то очень важное... Но что? Что можно понять, если логика уже не работает, если страх парализует каждую клеточку тела и не дает дышать? Хотя и понимаешь, что бояться бесполезно, если все равно ничего не изменишь. Понимаешь, но не бояться не можешь. Холод уже не ощущается, слезы уже не обжигают. Что-то теплится внутри... живое, то, что хочется сохранить и не отпускать, то, что значит для тебя все, но это «все» исчезнет с первыми лучами солнца. Отнято последнее – надежда, без которой ты наполовину уже мертв.*

Дериватологический комментарий. В данном тексте реализован **детерминационный** принцип, в нем зафиксировано деривационное развитие **семантики и форматики** исходного текста, в нем, с одной стороны, происходит осмысление одной из тем ори-

гинала (темы смерти), с другой – заимствуется способ воплощения содержания – внутренняя форма первичного текста (монолог, сбивчивая речь, имитация неподготовленной устной речи, повторы на лексическом и синтаксическом уровнях), что свидетельствует о реализации **семасиологической модели** текстопорождения, а наличие множества инноваций мутационного типа позволяет говорить о **креативности** вторичного текста.

Тип текста: детерминационный, семасиологический, креативный.

Лингвоперсонологический комментарий. Семасиологическая стратегия текстовой деятельности базируется на рефлексии по поводу **формы**, стиля, манеры повествования. В этом отрывке рефлексии подвергается помимо темы еще и стиль повествования, но делается это, в отличие от предыдущих примеров, на **чувственном, интуитивном** уровне. Рефлексия не эксплицирована, но результат ее в тексте все же представлен: автор вторичного текста как бы перенимает стилистику Ф. М. Достоевского (повторы, сбивчивая речь, воссоздающая ситуацию напряженного поиска истины), подражает ему, рефлектируя по поводу заданной первичным текстом темы. В данном тексте нет таких признаков «профессионализма», как элементы лингвистического, стилистического, литературоведческого анализа, что позволило нам отнести его к противоположному типу – **наивного**. Также текст представляет собой непосредственную реакцию на исходный, свободную от укоренившихся в учебной практике штампов, клишированных фраз, что свидетельствует о тяготении к полюсу «**природный**». (Попутно заметим, что ко всем параметрам лингвоперсонологических различий аксиологический критерий не применим). О его субъективности свидетельствуют выбор повествования от первого и второго лица, вопросительные предложения, текст представляет собой **творческое переосмысление** проблематики первичного текста.

Тип текста: формальный, затекстовый, художественный, осмысленный, природный, наивный, субъективный, креативный.

Таким образом, мы видим, что реализация деривационного потенциала текста обуславливается собственно лингвистическим и лингвоперсонологическим факторами, которые взаимодействуют друг с другом, порой принимая антиномический характер.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Й. Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

3. Голев, Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты [Текст] / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 65 – 84.

4. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации [Текст] / Н. Д. Голев. – Томск: ТГУ, 1989. – 252 с.

5. Голев, Н. Д. Изложение, пародия, перевод ... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов [Текст] / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова (Мельник) // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. статей / под ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул, 2000. – С. 20 – 27.

6. Голев, Н. Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования в техническом вузе (опыт построения концепции) [Текст] / Н. Д. Голев // Прикладная филология в сфере инженерного образования: коллективная монография. – Т. 1. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе. Нортхэмптон. – Томск, 2004. – С. 15 – 37.

7. Голев, Н. Д. Языковая личность, антропотекст и лингвоперсонологическая гипотеза языка [Текст] / Н. Д. Голев // Филология: XXI в. (теория и методика преподавания): материалы Всероссийской конференции / под ред. Н. Б. Лебедевой, Е. А. Коных. – Барнаул: БГПУ, 2004. – С. 4 – 9.

8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.

9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.

10. Королева, Н. Н. Текст как модель субъективного мира личности [Текст] / Н. Н. Королева // Психология человека: интегративный подход в психологии. – СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – Вып. 2. – С. 90 – 98.

11. Мурзин, Л. Н. Основы дериватологии [Текст] / Л. Н. Мурзин. – Пермь: ПГУ, 1984. – 56 с.

12. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие [Текст] / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: УГУ, 1991. – 172 с.

13. Сусов, И. П. Личность как субъект языкового общения [Текст] / И. П. Сусов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: КГУ, 1989. – С. 9 – 16.